

В. СЕРЖАНТ <С. П. БОБРОВ>

Человек и Маяковский

Первые вещи Маяковского, — которые нельзя было не заметить, — заняты были плохо прожеванными элементами. Автор в конце концов сам это приметил и извинился перед читателем тирадой из «Облака в штанах»: «Хорошо, когда в желтую кофту — душа от осмотров укутана! — Хорошо, — когда брошенный в зубы эшафоту, — крикнуть: — пейте какао ван-Гутена!» Читатель должен был согласиться, — ну, если даже и не особенно хорошо, то — положение обязывает. Так же — и не иначе как — воспринимались хлопоты Маяковского о самоувенчании иными продуктами совестливого мира: «Но мне, — люди, — и те, что обидели, — вы мне всего дороже и ближе, — Видели, — как собака бьющую руку лижет!» Положим, от этой слабости не свободны лишь немногие поэты... Однако, немногие-то все ж свободны. Свалка сих материально-поэтических элементов иной раз заключала в себе и вовсе странные локончики и бантики, звездившиеся на штанах, в коих персонифицировалось облако. Так храбро ровный и правоверный ритм, достаточно чистый, и не хуже Блока, ломался коротенькими строчками:

Вы говорили:
«Джек Лондон,
Деньги,
Любовь,
Страсть».
А я одно видел:
Вы — Джиоконда,
Которую надо украсть.

Было бы значительно проще, откровенней, а, пожалуй, для многих и убедительнее такая расстановка:

Вы говорили: «Джек Лондон,
Деньги, любовь, страсть».

А я одно видел: вы — Джиоконда,
Которую надо украсть.

Тогда бы, возможно, в «Облаке» отыскалось быстро что-нибудь даже вроде Гумилева. И техника быстро разложилась бы на не такие уж сложные влияния. Но «Облако» было основательным шагом вперед, от пустого напетого «урбанизма» первых вещей: в «Облаке» мы встретили впервые — вспомните желтую кофту! — нечто недостаточно желтое. Вслед за «Облаком» «Флейта Позвоночника» ясно определила границы поэзии Маяковского. В этих границах не осталось места вчерашним пустякам — личные страсти выпелись громко и внятно. Правда, за «Флейтой» появилась слабая «Война» и дряблая «Революция», но это уже приходится, очевидно, извинить веяньем времени. «Война» аккуратно пропела все, что потом повторили (правда: потом!) бесчисленные передовицы, а «Революция» не смогла даже этого сделать и пыталась нехитро и добродетельно сфотографировать уличный гул: ей это не удалось сделать. Это не так просто, как кажется.

Новая вещь Маяковского «Человек» заставляет нас говорить о поэте серьезно. Маяковский здесь протискался в традицию нашей поэзии — добро пожаловать, давно уже ему здесь место. «Секиры зари», «вечности моря» — откуда этот поэтически обычный жаргон? Ухарский нигилизм опростел:

Так вот и буду
В летнем саду
Пить мой утренний кофе.

Пейте на здоровье. Общебезопасно, а для вас полезно. Но вот давно писал Маяковский:

Я сразу смазал карту будня,
Плеснувши краску из стакана;
Я показал на блюде студня
Косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
Прочел я зовы новых губ.
А вы
Ноктюрн сыграть
Могли бы
На флейте водосточных труб?

И в этом роде (еще см. «Вывескам», «Простое как мычание», стр. 23). Смотрите, в какую картину это нынче развернулось:

Булочная,
Булочник.

Булки выпек.
 Что булочник?
 Мукой измусоленный ноль.
 И вдруг
 У булок
 Загибаются грифы скрипок —
 Он играет.

Здесь не осталось и следа от того дрянного равновесия неумело замазанных амфибрахий и дактилей «Облака», — для серьезного содержания Маяковский сумел отыскать приличную форму. Но что — равновесие! В «Облаке» было хуже и много хуже: было щеголянье этой общедоступной после модернистов эквилибристикой. Новый стих серьезен, ясен:

Сапожная,
 Сапожник.
 Прохвост и нищий.
 Надо
 На сапоги
 Какие-то головки.
 Взглянул —
 И в арфе распускаются голенища.
 Он в короне.
 Он принц.
 Веселый и ловкий.

Маяковский в новом стихе достигает очень хорошей изобразительности и звучности. Вот примеры:

Если сердце все,
 То на что,
 На что же
 Вас нагреб, дорогие деньги, я?

Или так:

Корпел, горя,
 Ночник.
 Звонюсь в звонок.
 Аптекаря!
 Аптекаря!

Лаконично, просто. Вот еще образец из удачных:

Протягивает
 Череп.
 «Яд».
 Скрестились кость на кость.
 Кому даешь?

Ломать строки — к чему бы это? — привычка у Маяковского еще осталась, но весь склад стиха изменился в хорошую сторону. Это важный и приятный признак.

Содержание «Человека»? Оно фантастично сверху, содержательно и серьезно внутри. Про Маяковского с человеком окончилось, к счастью для нашего автора, и в его пользу. И поэтому-то в этой поэме впервые он сумел договорить то, что пытался выговорить ранее.

Разумеется — и это еще не все, лишь материал, всего еще свалка, но это перелом от грошевого фатовства пустыми фокусами к отсутствию их. Правда, на их месте наблюдается некая зловещая пустота, но можно вполне надеяться, что дальше Маяковский найдет, чем ее заполнить.

